

Город Тяньнин, расположенный рядом с банком Таобай, хоть и не мог сравниться с Цзиньлином, но всё же был главным городом управы Чанчжоу и, естественно, был весьма оживлённым. В нескольких больших храмах шли церемонии, вдоль улиц торговали паровыми пирожками и гингко, а на дорогах толпились люди, направлявшиеся за город. В этой толпе Сяо Чжоухэн почувствовал, что они с Ли Чжуннанем выглядели несколько неуместно. Но благодаря этой толпе Ли Чжуннань мог открыто держать его за руку.

Когда они добрались до центра города, людей стало меньше, и они остановились у аптеки. Сяо Чжоухэн, видя уверенный вид Ли Чжуннаня, спросил:

— Зачем мы сегодня пришли в аптеку? Чтобы узнать причину слабости желудка Мяомяо?

— Нет, — Ли Чжуннань подмигнул. — Мы здесь ради Чжу Лию.

— Его? Зачем нам искать его в аптеке? Ты думаешь, он что-то подсыпал в еду, чтобы у Мяомяо заболел живот, но...

— Шудин, у меня есть предположение, и только в аптеке я могу его проверить, — Ли Чжуннань взял руку Сяо Чжоухэна и нежно поцеловал её. — Пожелай мне удачи.

— Это... как это возможно? — Сяо Чжоухэн погладил место на руке, где ощущалось тепло, и вдруг понял, зачем Ли Чжуннань пришёл сюда.

— Шудин, — Ли Чжуннань остановился перед тем, как откинуть занавеску, и повернулся, его глаза были необычно мрачными. — Когда человек становится непредсказуемым, на то есть две причины: либо ему угрожают, либо угрожают тому, что он любит...

Слова, которые вышли из уст Ли Чжуннаня, были пронизаны осенним холодом, и прежде чем они достигли ушей Сяо Чжоухэна, растворились в ветре, смешанном с запахом перца, словно сон, погрузившийся на дно.

Хань Теи рано утром обошёл всё поместье, но не нашёл Ли Чжуннаня и Сяо Чжоухэна. Ему показалось, что в последние дни людей в поместье стало меньше. Может быть, все ушли праздновать Шайцю, подумал он.

Но ему не нужно было подниматься на гору, некому было вспоминать, и единственное, что требовало внимания, — это его пустой желудок — он был голоден.

Поэтому Хань Теи направился к кухне, по пути не встретив ни души. Вокруг царил тишина, словно за одну ночь банк Таобай опустел, и, глядя вдаль с балкона, Хань Теи вдруг почувствовал меланхолию: «Кто в этом мире не стареет?»

Увидев дым, поднимающийся из приоткрытой двери, он подошёл и, войдя, застыл в изумлении —

Ли Юньси, который казался человеком, далёким от кухни, готовил! Он перемещался между дымящимися плитами, его лицо покраснело от жара, он был одет в розовый камзол с узкими рукавами, подпоясанный лентой цвета лунного света, и в его глазах светилась решимость.

Хань Теи почувствовал досаду: почему он не учился поэзии у Ли Яньцина или не слушал Сяо Чжоухэна, когда тот восхищался природой? Иначе сейчас в его голове не было бы только одного слова — «фея».

Услышав шум, Ли Юньси обернулся, увидел Хань Теи у двери и снова повернулся, словно уже привык к его неожиданным появлениям.

— Может, тебе помочь? — Хань Теи поспешно подошёл, увидев перед собой беспорядок, но не зная, с чего начать. Он боялся, что Ли Юньси сочтёт его помехой и выгонит.

— Ты действительно так ко мне расположен? — Ли Юньси снова посмотрел на него, задержав взгляд на мгновение, затем опустил его. — Но, Хань, я ничего особенного собой не представляю.

— Для меня ты — лучший, — поспешно ответил Хань Теи, боясь, что тот не поверит. — Я не лгу.

В глазах Хань Теи, полных надежды, Ли Юньси спокойно ответил:

— Но ты меня не знаешь, и я тебя тоже.

— Мы узнаем друг друга, я расскажу тебе всё, что захочешь, хорошо? Я не уйду, останусь здесь.

Ли Юньси остановился, повернулся и внимательно посмотрел на этого упрямого мужчину, в котором было столько детской наивности:

— Но у нас нет будущего.

Прежде чем Хань Теи успел понять смысл его слов, перед ним появилась тарелка с цветочными пирожными. Он машинально взял её, а Ли Юньси сказал:

— Попробуй, я готовил впервые.

Но радость Хань Теи быстро угасла, как угасающее пламя —

— Я иду в резиденцию князя Му, он пригласил меня вместе подняться на гору. Увидимся.

Но слова «увидимся» застряли в горле Хань Теи — он не хотел прощаться; он хотел беседовать с ним каждый день; он хотел провести с ним всю жизнь.

В этом бескрайнем море страданий, среди осеннего пейзажа, Хань Теи хотел погрузиться в тюрьму, которую сам для себя создал. Поэтому пирожное в его руке стало тяжёлым, как камень, и на вкус было горьким.

Ли Юньси сделал шаг, как вдруг сзади его обхватили сильные руки, плотно прижимая к себе. Ли Юньси, потеряв равновесие, чуть не упал, но его спина плотно прижалась к груди Хань Теи.

— Ты не можешь просто улыбнуться мне? — Дыхание Хань Теи участилось, и он больше не мог сдерживать своё бурное сердце. — Я ведь не так уж плох, Пэйчжи, ах, Пэйчжи.

Имя Пэйчжи заставило Ли Юньси ослабеть, он не мог найти слов, но прежде чем он успел что-то сказать, Хань Теи отпустил его:

— Прости, ругай меня.

Ли Юньси, опираясь на стол, повернулся и, слегка кашляя, увидел Хань Теи, который стоял перед ним, опустив голову. Ему было трудно понять, почему этот могучий воин так упорно

бился о стену его равнодушия.

Даже слегка наклонившись, Хань Теи был выше его на голову, и Ли Юньси мог видеть его глаза, в которых читалась лёгкая боль — в их прозрачности была лёгкая дымка.

Присмотревшись, Ли Юньси заметил, что Хань Теи с его резкими чертами лица и густыми бровями выглядел не совсем как человек с Центральных равнин.

Рассмотрев его, Ли Юньси вдруг почувствовал, что не может его ругать, и, сам не зная почему, улыбнулся:

— Хань... Дунчи, если я тебя отругаю, ты исправишься?

Хань Теи не понял, почему Ли Юньси улыбнулся, и, услышав своё имя, его сердце забилося ещё сильнее. Видя его улыбку, Хань Теи тоже неуклюже засмеялся:

— Наверное... нет.

Тем временем в аптеке в городе Тяньнин Ли Чжуннань и Сяо Чжоухэн стояли посреди зала, смотря на слугу. Аптека была старой и обветшалой, полки с лекарствами шатались, и, возможно, из-за отсутствия клиентов, кроме запаха трав, здесь царил бедность.

Трое в одном помещении делали его ещё более тесным.

— Господа, вы за лекарствами или...? — Слуга, увидев незнакомцев, которые, хотя и не были из банка Таобай, выглядели благородно и были хорошо одеты, слегка растерялся.

Что касается болезней и лекарств, Ли Чжуннань всегда был уверен в себе, ведь его учитель был куда более надёжным, чем молодой господин Поместья Ковки Мечей. Он изучил медицинские книги, исследовал рецепты, оставленные учителем, и за пять лет скитаний приобрёл немалый опыт. К сожалению, в тот день он слишком сосредоточился на синяках на лице Мяомяо, забыв о Чжу Лию. Теперь он понимал, что его бледность была не только из-за слов Тань Чжао, но и из-за серьёзной болезни.

Подсказка: учитель Ли Чжуннаня — Нефритовый Целитель Цзяншань Ли Сяньгуй, также известный как Ли Шэньчжи.

Тридцать первая глава упоминает, что четырнадцатый молодой господин Ли Юньцин приказал Хо Цичи убить Сяо Чжоухэна.

Долг Ли Сяньгуя перед Хо Цичи за вино, возможно, так и не будет возвращён.

Я думаю, Хань Теи и Хо Цичи могли бы стать друзьями, оба так любят вино.

<http://bllate.org/book/16134/1444695>